

© 1991 г.

Ю. Н. Литвиненко

ПТОЛЕМЕЕВСКИЙ ЕГИПЕТ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ в III в. до н. э. (К вопросу о контактах)*

В последнее время в исторической науке возрос интерес к проблеме взаимодействий и взаимовлияний (контактов, в широком смысле слова), происходивших в рамках древних обществ¹. Если понятие «контактная зона»² в принципе применимо к любому объекту исторического исследования, то к некоторым из них, в том числе к феномену эллинизма³, его следует применять в первую очередь. В современной историографии существует множество концепций эллинизма⁴. Так или иначе почти все

* Выражаю глубокую признательность старшему научному сотруднику Херсонесского историко-археологического заповедника Т. И. Костромичевой за содействие при работе над статьей.

¹ См., например, материалы Международного семинара в Кортоне (Италия): *Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes // Actes du colloque de Cortone (24—30 mai 1981) organisé par la Scuola normale superiore et l'École française de Rome avec la collaboration du Centre de recherches d'histoire ancienne de l'Université de Besançon. Pise — Rome, 1983*; а также конференции в Цхалтубо: *Материалы III Всесоюзн. симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Эллинизм и Причерноморье». Цхалтубо. 21—27 мая 1982 г. Тез. докл. и сообщ.* Под ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1982 (далее — *Материалы...*).

² *Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 г. М., 1985. С. 177.*

³ Например, Дж. Дэвис, автор обобщающей главы об эллинизме в новом издании «Кембриджской древней истории», считает «проблему сосуществования и взаимодействия» центральной для понимания сущности эллинистического «плюралистического общества»: *Davis J. K. Cultural, social and economic features of the hellenistic world // САН. Т. 7. Р. 264, 320.*

⁴ Характерно, что в последние десятилетия ряд историков пытается пересмотреть распространенные еще со времени И. Дройзена представления о «смешанном характере» эллинистической цивилизации, качественно отличной от доэллинистических Греции и Востока. В противоположность выделяются диффузионные моменты, отмечается параллелизм континуитета греческих и восточных начал; см.: *Welles C. B. Alexander and the Hellenistic World. Toronto, 1970. P. 175; Will Ed., Mossé Cl., Goukovsky P. Le monde grec et l'Orient. Т. 2. P., 1975. P. 338 suiv.; Préaux Cl. Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient (323—146 av. J.-C.). Т. 2. P., 1978. P. 545—683; Samuel A. From Athens to Alexandria: Hellenism and Social Goals in Ptolemaic Egypt. Louvain, 1983. P. 119—123.* Аналогичные взгляды высказываются и в советской историографии, см.: *Дандамаев М. А. Передняя Азия до македонского завоевания и истоки эллинизма // Материалы... С. 24—26.* Некоторые авторы указывают на недостатки принятой в отечественной исторической науке концепции эллинизма К. К. Зельина, см.: *Бокцианин А. Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. Т. 1. М., 1960. С. 88—105; Фролов Э. Д. Античная государственность на рубеже классики и эллинизма // Материалы... С. 93—96; Шелов-Коведяев. Ук. соч. С. 182—186;* кроме того, обращается внимание на трудности определения хронологических и территориальных рамок эллинизма, см.: *Крюгер О. О. Арриан и его труд «Поход Александра» // Арриан. Поход Александра / Пер. с древнегреч. М. Е. Сергеевнко. М.—Л., 1962. С. 5; Лордкипанидзе О. Д. О географии «эллинистического мира» (Трудности дефиниции) // Материалы... С. 55—56.*

они включают положения о «зонах контактов» качественно разнородных элементов, среди которых, как правило, выделяются греко-македонские (эллинистические) и местные начала⁵. Думается, для более глубокого понимания сущностных сторон «композитного» эллинистического общества и в дальнейшем необходимо исследование проблемы контактов с точки зрения их типологии⁶, функций и эволюции⁷. Выделение отдельных связей не должно заслонять то, что эллинистическая ойкумена представляла собой единую сложную систему, все параметры которой, функционируя по собственным законам, в конечном счете были взаимообусловлены⁸. Выявление того, что объединяет на первый взгляд несопоставимые части этого целого, способствовало бы лучшему пониманию природы этого целого. Поэтому представляются перспективными исследования, посвященные как сравнительному анализу исторического развития отдельных областей эллинистического мира, так и изучению существовавших между ними связей. В частности, следует упомянуть работы по истории припонойских государств, где они рассматриваются в качестве органической части античного Средиземноморья⁹, в том числе и работы о контактах Северного Причерноморья с эллинистическими государствами, включая Птолемеевский Египет¹⁰.

В подобного рода исследованиях возникают трудности, обусловленные спецификой имеющихся источников. Так, сведения письменных памятников о связях Птолемеев с Причерноморьем крайне малочисленны. К тому же содержащиеся в них факты в основном относятся к южнопонойскому побережью и проливам¹¹, за исключением нескольких папирусных строк и свидетельств античных авторов, из которых можно заключить, что нити связей тянулись и дальше на север¹². Материал письменных источников

⁵ Прежде всего это касается работ по истории Птолемеевского Египта, где проблеме «греки — египтяне» посвящено внушительное число исследований; подробную библиографию см.: *Фихман И. Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 156—162.

⁶ Методологически важными в этом плане являются работы К. К. Зельина: *Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. М., 1960; *Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969.

⁷ См., например, *Bingen J.* L'Égypte gréco-romaine et la problématique des interactions culturelles // *American Studies in Papyrology*. 1981. V. 23. P. 3—18.

⁸ *Зельин.* Исследования... С. 4.

⁹ Например: *Граков Б. Н.* Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли: Дис... д-ра ист. наук М., 1939; *Трофимова М. К.* Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Босфора и Египта в III в. до н. э.) // ВДИ. 1961. № 2; *Блаватский В. Д.* Античная археология и история. М., 1985, и др.

¹⁰ Тема «Северное Причерноморье и эллинистический Египет» в основном представлена работами по Ольвии и Боспору, см., в частности: *Шургая И. Г.* Импорт Александрии в Северном Причерноморье // ВДИ. 1965. № 4; *он же.* О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1972. № 3; *Трейстер М. Ю.* Босфор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. В зарубежной историографии вопрос наиболее подробно рассматривался П. Фрззером и Э. Виллем; см.: *Fraser P. M.* Ptolemaic Alexandria. V. 1. Oxf., 1972. P. 171 ff.; *Will.* НРМН. P. 187 suiv.

¹¹ Например: *Polyb.* V. 34. 7—8; *Memn.* XXV. 1; *Dion. Byz.* Fr. 28 (= GGM. II. P. 34); *Plut.* De Isid. et Osir. 28; *Tac. Hist.* IV. 83—84; *Athenod. Tars.* Fr. 49 (= FHG. III. P. 487); *Steph. Byz.* S. v.: Ἀρχύρα; OGIS. 54. 5—17; P. Amh. II. 42.45.

¹² См. широко цитируемые: P. Lond. 7. 1973 о посольстве Персида II к Птолемею II Филадельфу и *Agatharch.* De Mar. Erythr. 66 (= SC. I. C. 926); ср. *Diod.* III. 34.7 — о существовании во II в. до н. э. торгового пути между Меотидой, Родосом и Александрией; кроме того, см.: SB. I.3782; III. 6831. 6, 9 — возможно, о боспорских наемниках в раннептолемеевском Египте, а также *Plin.* NH. XXXVII. 11, 32 — о предполагаемых связях одного из наместников Птолемея II со Скифией.

относится преимущественно к III в. до н. э., когда Птолемаи, контролировавшие северную часть Эгеиды, проявляли определенный интерес к Черноморскому региону¹³. Данное обстоятельство создает дополнительные трудности для исследования проблемы в более широких временных рамках¹⁴. Выводы о контактах Египта с Северным Причерноморьем основываются также на интерпретации отдельных археологических находок, идентификация которых часто представляет большую сложность¹⁵. При этом если речь идет об археологических находках привозных изделий (вещей «египетского» типа), то, как правило, подразумеваются торговые связи, в результате которых вещи из одной области попали в другую. Полученные данные нередко используются для иллюстрации широких выводов о существовании в эллинистическую эпоху «оживленных торговых сношений», «торговой конкуренции», «борьбы за рынки сбыта и сферы влияния» и т. д.¹⁶. С подобными выводами едва ли можно согласиться. Во-первых, их авторы, преувеличивая роль и масштабы античной торговли, не учитывают многообразие форм экономического общения в древности, обусловленного «растворением» экономики в неэкономических структурах¹⁷. Во-вторых, невозможно говорить о наличии торговых связей на основании единичных археологических находок¹⁸. Вещи могли попасть в чужую среду по-разному — в результате даров, миграций, путешествий, разбоя,

¹³ См., например: *Rostovtzeff*. SENHW. P. 591 ff.; *Неская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С. 129 сл.; *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья (Синопа, Амис, Трапезунт). М.—Л., 1956. С. 175. сл., 231 сл.; *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI—I вв. до н. э. М., 1986. С. 124—139.

¹⁴ Взаимоотношения эллинистического Египта с Северным Причерноморьем, как правило, рассматриваются в пределах III в. до н. э. Исключение составляют исследования И. Г. Шургая, в которых предпринимается попытка проследить (хотя бы очень кратко) эволюцию торговых связей Александрии с Ольвией, Херсонесом и Боспором на протяжении III—II вв. до н. э.: *Шургай И. Г.* О торговых сношениях... С. 27—28; *он же.* Эллинистический Египет и города Северного Причерноморья (К проблеме контактов) // Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май 1980 г. Тез. докл. Ереван, 1980. С. 89.

¹⁵ Прежде всего сложна проблема датировки некоторых групп археологических памятников эпохи эллинизма (керамика, изделия художественного ремесла). Кроме того, часть вещей происходит не из Египта (так называемые «египтизированные» подделки).

¹⁶ См., например: *Rostovtzeff*. SENHW. P. 393; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.—Л., 1953. С. 83—85; *Шургай И. Г.* Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1974. № 138; *Бадальяни Ю. С.* Экономические связи эллинистического Родоса: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1987. С. 41 и др.

¹⁷ Так, своеобразие экономического развития в начале эллинистической эпохи заключалось в том, что падала роль свободной полисной торговли и связанных с ней элементов рыночной экономики, возраставших в V—IV вв. до н. э., усиливались тенденции государственной монополии в сфере производства и распределения продукции; подробнее об этом см.: *Préaux Cl.* L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. P. 61 suiv.; *Трофимова.* Ук. соч. С. 65—66; *Lévyque P.* Le monde hellénistique. P., 1969. P. 75—87; *Davies.* Op. cit. P. 307 ff.; об экономике «редистрибутивного» типа и «управляемой» торговле в эллинистических государствах см.: *Trade and Market in the Early Empires. Economies in History and Theory* / Ed. K. Polanyi. Glencoe (Illinois), 1957. P. 116 ff.; ср. *Humphreys S. C.* History, economies and anthropology: the work of Karl Polanyi // НТ. 1969. VIII. P. 191 ff.

¹⁸ Даже массовый археологический материал, как, например, клейменная керамическая тара, не может прямо свидетельствовать об истинных масштабах и характере торговли, см.: *Граков.* Клейменная керамическая тара... С. 80; *Fraser.* Op. cit. I. P. 168; II. P. 289—290. Not. 282, 284; *Davies.* Op. cit. P. 273 ff.; АГСП. С. 182.

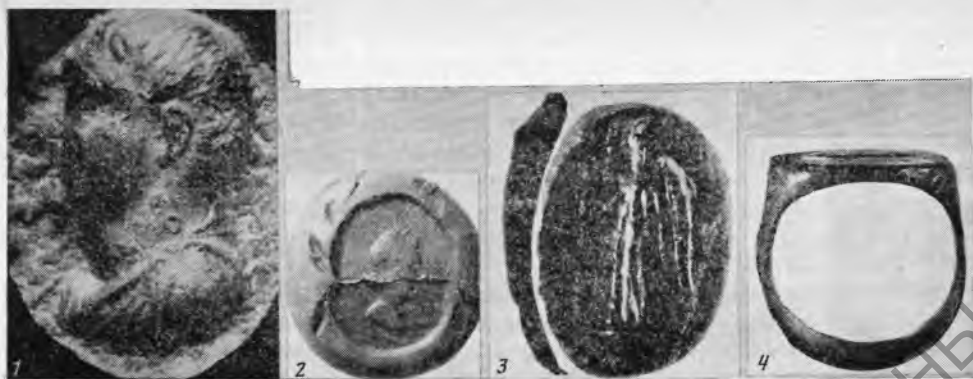

Рис. 1. Находки «египетского» типа из Херсонеса (III—II вв. до н. э.). 1—4 — бронзовые перстни-печати «птолемеевского» типа. Фото Т. И. Костромичевой

войны и т. д.¹⁹ Следовательно, прежде чем делать выводы о возможных экономических, политических, культурных и других контактах, необходим тщательный анализ каждой такой находки (группы находок) с точки зрения того, откуда, когда и как данная вещь могла попасть в данное место. Большое значение при этом помимо археологического контекста приобретают исторические факты, воссоздающие фон эпохи.

Придерживаясь указанных замечаний, проанализируем группу археологических памятников, представляющую большой интерес для изучения контактов между Птолемеевским Египтом и Северным Причерноморьем. Речь идет о бронзовых перстнях так называемого «птолемеевского» типа²⁰. Подобные перстни найдены в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре²¹. Примечательна концентрация в регионе этих редко встречающихся находок, в связи с чем высказывается ряд гипотез о причинах их распространения. О. Я. Неверов полагает, что перстнями придаловало апотропеическое значение, и связывает их появление с торговцами и мореплавателями, которые почитали покровительствовавших им Арсиною-Афродиту, Исиду и Сераписа²², чьи изображения часто встречаются на щитках перстней. Не настаивая на александрийском происхождении находок, он тем не менее отмечает определенную зависимость между появлением в III в. до н. э. в Северном Причерноморье перстней птолемеевского типа и началом распространения здесь египетских эллинистических культов²³. На культовый

¹⁹ Брагинский И. В. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 1984. С. 22.

²⁰ См.: Неверов О. Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1; Трейстер М. Ю. Бронзовые перстни с изображением на щитках из Горгишии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3.

²¹ 1 перстень — в Ольвии, 28 — на Боспоре (Трейстер. Бронзовые перстни... С. 70, 76), 5 — в Херсонесе («Египетская» коллекция ХИАЗ; инв. № 116/36590 (табл. I, 1); 13/37006; 6145 (рис. 1, 2); 6426 (рис. 1, 3, 4); ГЭ. Инв. № В-2673).

²² Ср.: Athen. VII. 318; Траков. 21, 58; КБН. 30, 1115; IOSPE. I². 5.

²³ Неверов. Ук. соч. С. 106 сл.; ср. Шургая. О торговых сношениях... С. 24—28; Pippidi D. M. Sur la diffusion des cultes égyptiens en Scythie Mineure // Studii Clasice. București, 1964. P. 103, 111 suiv. Этот процесс достиг апогея в римскую эпоху (Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в североантичных городах позднего античного времени (По эпиграфическим памятникам) // ВДИ. 1973. № 1. С. 60 сл.).

характер бронзовых перстней-печатей, в том числе с изображением Ники — покровительницы частных лиц²⁴, указывает В. С. Щербакова²⁵. По мнению М. Ю. Трейстера, 75 % боспорских перстней данного образца составлял в III в. до н. э. египетский импорт, а с конца III — начала II в. под влиянием «мощного притока египетской (александрийской) продукции» появляются местные подражания²⁶. Рассматривая боспоро-египетские связи на фоне политических событий в Восточном Средиземноморье III в. до н. э., автор приходит к следующим выводам о причинах появления на Боспоре перстней-печатей. Первые Птолемеи, стремившиеся к господству в Эгейском море, пытались заручиться если не поддержкой, то нейтралитетом «могущественного Боспорского царства»²⁷. В целях утверждения на внешней арене они прибегали к различным политико-дипломатическим мерам, в частности к политической пропаганде, которая выражалась в разнообразных формах: обмене посольствами, строительстве храмов и общественных зданий на чужой территории (Афины, Галикарнасс, Самофракия, Византий, Гераклея Понтийская и др.)²⁸, богатых дарах (Memn. XXV A), грандиозных празднествах (Athen. V. 197—203; Theocr. XIV. 58 sq.; XVII. 95 sq)²⁹, распространении вне пределов империи царских эмблем и портретов на произведениях искусства и ремесла³⁰, в том числе и на перстнях-печатях. Проникновение на Боспор «птолемеевских» перстней как «средств пропаганды» Лагидов, заключает М. Ю. Трейстер, было обусловлено «тесными политическими контактами двух государств»³¹. Таким образом, среди причин появления в Северном Причерноморье бронзовых перстней птолемеевского типа исследователи называют торговые, религиозные и политические контакты, существовавшие между двумя отдаленными областями эллинистического orbis terrarum. Наиболее развернутой является гипотеза М. Ю. Трейстера, содержащая анализ исторического «контекста» проблемы. Однако не все ее положения выглядят достаточно убедительно. Прежде всего вызывает возражение взгляд на внешнюю политику первых Птолемеев как политику талассократии в Эгее, и тем более доминирования во всем Восточном Средиземноморье. Как показал Э. Вилль³², внешнеполитическая стратегия Лагидов основывалась на традиционных для египетских правителей принципах «оборонительного империализма». Суть этой политики сводилась прежде всего к захвату Киренаики, Кипра и

²⁴ Характерно, что распространение египетских культов в эллинистический период в основном проходило частным путем, см.: Pippidi. Op. cit. P. 108 suiv.; Неворов. Ук. соч. С. 113; Davies. Op. cit. P. 315—319.

²⁵ Щербакова В. С. Изображение Ники на античных печатях из Херсонеса // КСИА. 1984. № 168. С. 65—67. Ср.: Трейстер. Боспор... С. 129 — об изображениях Ники на монетах Птолемея Сотера, послуживших прототипом соответствующих изображений на бронзовых перстнях-печатях с Боспора.

²⁶ Трейстер. Бронзовые перстни... С. 76; он же. Боспор... С. 127.

²⁷ Он же. Боспор... С. 137. Утверждение представляется сомнительным. Во всяком случае в письменных источниках отсутствуют какие-либо данные о том, что Боспор вмешивался в дела ведущих эллинистических держав (Жебелев. Ук. соч. С. 117. Прим. 2; Блаватский. Античная археология... С. 97).

²⁸ М. Ю. Трейстер даже допускает возможность участия Птолемеев в строительстве какого-то (культового?) сооружения в Северном Причерноморье (Боспор... С. 138. Прим. 116).

²⁹ О «пропагандистском» характере праздников царского культа в Александрии см.: Will. НРМН. P. 202; Préaux. Le monde hellénistique... I. P. 255—265.

³⁰ См., например: Mahaffy J. P. The Empire of the Ptolemies. L.—N. Y., 1895. P. 206, 490; Thompson D. B. Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience. Aspects of the Ruler Cult. Oxf., 1973. P. 71—79, 117 ff.

³¹ Трейстер. Боспор... С. 137 сл.

³² Will. НРМН. P. 159—167; см. также: Rostovtzeff. SEHNV. P. 24—42; ср. Polyb. V. 34. 5—9.

Келесирии для создания там заслонов от возможного нападения соседей на собственно Египет (ср.: Theogr. XVII.98—101; Diod. XVIII.36). Оборонительная стратегия толкала Птолемеев и на захват островов и малоазиатского побережья, установление контроля над частью Балканской Греции (Theogr. XVII.85—90; Plut. Arat. 24) в целях предупреждения возможного повторения «восточного похода» македонских царей. Вероятно, в превентивных целях Птолемей II заключил антимакедонский и антиселевкидский союзы с городами и династиями Северной лиги³³. Скорее всего этим же объясняется упорное стремление правителей Египта закрепиться на севере Эгеиды в III в. до н. э. (Polyb. V.34.7—8; OGIS. 54.5—17)³⁴. Однако их позиции в Эгейском бассейне были непрочными: с середины III в. они ослабевают и к концу столетия окончательно подрываются³⁵. Возможность широкой экспансии исключала и экономическая политика первых Птолемеев. С одной стороны, она основывалась на традиционной для фараоновского Египта замкнутости³⁶, с другой — на нее влияли те конкретно-исторические условия, в которых складывался новый государственный аппарат (прежде всего обстановка военного соперничества между эллинистическими монархиями). Для успешного проведения внешней политики Птолемаем были необходимы сильная армия, сырье и деньги. Доптолемеевский Египет практически не располагал своим денежным металлом: для нужд автаркичной системы, где экспорт превышал импорт, хватало «чужих» денег³⁷. К началу III в. до н. э. ситуация изменилась. С постепенным развитием товарно-денежных отношений в Средиземноморском регионе, выходом Египта в ряд ведущих держав, ростом расходов на содержание армии Птолемаем требовалось все больше серебра и золота³⁸. Чтобы решить проблему, центральная власть обращалась к фискально-меркантилистским принципам управления экономикой³⁹. Военная ориентация финансовых затрат, усугубляемая расходами на содержание армии бюрократов, вела к экономической неустойчивости, отсутствию стабильных торговых связей, складыванию локальных изолированных торгово-экономических зон⁴⁰. Жизненно важную для нормального функционирова-

³³ О связях Птолемеев с Северной лигой см.: *Сапрыкин*. Ук. соч. С. 136 сл.

³⁴ Присутствие в этом регионе Птолемеев препятствовало объединению сил их основных врагов — македонских и селевкидских правителей (о враждебных замыслах Антигонидов и Селевкидов против Лагидов см. *Polyb.* III. 2, 8; XV. 20, 25, 29; XVI. 18—19; XVIII. 1), что вело к «балансу сил» во взаимоотношениях трех крупнейших эллинистических государств.

³⁵ См., например: *Walbank F. W.* A Historical Commentary on Polybius. V. 1. Commentaries on Books. I—VI. Oxf., 1957. P. 565; *Жигунин В. Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280—220 гг. до н. э. Казань, 1980. С. 159 сл.

³⁶ О Египте как «ойкосе» Птолемеев см.: *Préaux*. L'économie... P. 433 suiv.; *Davison W. J., Harper J. E.* The economic integration of Ptolemaic Egypt // *European Economic History*. I. The Ancient World. N. Y., 1972. P. 159. О преемственности фараоновских и птолемеевских административно-хозяйственных институтов см.: *Welles C. B.* The Ptolemaic administration in Egypt // *JJP*. 1949. III; *Фихман*. Ук. соч. С. 172 сл.

³⁷ *Lumbroso G.* Recherches sur l'économie politique de l'Égypte sous les Lagides. Turin, 1870. P. 28. suiv.

³⁸ О развитии товарно-денежных отношений в эллинистическую эпоху см.: *Зельин*. Исследования... С. 35 сл., 70—71. О финансовых проблемах Птолемеев в связи с оплатой наемников см.: *Préaux*. L'économie... P. 29 suiv.; *Rostovtzeff*. SEHAW. P. 261 ff.; *Will*. НРМН. P. 172—173.

³⁹ Подробнее об этом см.: *Wilcken U.* Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft // *Schmollers Jahrbuch*. 1921. XIV. S. 65 ff.; ср.: *Orrioux Cl.* Zénon de Caunos parépidémios, et le destin grec. P., 1985. P. 15—39.

⁴⁰ См., например: *Зельин*. Исследования... С. 62 сл.; о птолемеевской экономике «закрытого типа» см.: *Préaux*. Le monde hellénistique... I. P. 248 suiv.

ния птолемеевской экономики кроме долины Нила и Дельты представляли Кипр и сиро-финикийское побережье, откуда с древнейших времен поступало в Египет стратегическое сырье⁴¹, а также южные области Малой Азии. Именно здесь на протяжении III в. до н. э. были сосредоточены главные внешнеполитические и экономические интересы египетских царей, формировавшаяся своеобразный «Большой Египет» с унифицированной административной системой, многочисленными гарнизонами и военными колониями Птолемеев, единым монетным стандартом, закрытым для других областей, своей «внутренней» торговлей⁴². Никакая другая зона Средиземноморья не имела такого значения для внешнеэкономической политики первых Птолемеев⁴³, которой вряд ли было свойственно стремление к проникновению на отдаленные рынки и захвату дальних торговых путей⁴⁴.

Исходя из вышесказанного, трудно согласиться и с утверждением М. Ю. Трейстера о том, что в III в. до н. э. между Птолемеевским Египтом и Боспором существовали тесные политические контакты⁴⁵. Во всяком случае, ни внешнеполитическая стратегия первых эллинистических правителей Египта, ни их экономическая политика не способствовали установлению прочных связей между Александрией и отдаленными государствами Северного Причерноморья. Аналогичным образом политические и торгово-экономические контакты северопонтийских центров в эллинистическую эпоху⁴⁶ в основном ограничивались бассейном своего «внутреннего моря». Разумеется, дальние торговые связи вовсе не исключались. Однако они были случайными и, как правило, имели опосредованный характер. Так, с конца III — начала II в. до н. э. меняется картина внешней торговли Египта. Наряду с сохранившимися значение «левантийским» и красноморским направлениями упрочились контакты с Западным Средиземноморьем, возрос объем торговли с Эгейдой⁴⁷, причем в последнем случае изменился характер торговых сношений. Если в первой половине III в. до н. э. Птолемеи, пользуясь военно-политическим присутствием в Эгееде, могли поддерживать с ней прямые торговые контакты, то впоследствии, утратив свое влияние, стали ориентироваться на торговое посредничество островов⁴⁸, в первую очередь Родоса⁴⁹, а также Делоса⁵⁰, которые до конца эллинистического периода оставались главными посредниками александрийской северной торговли. Одновременно эллинистический Родос, вместе с другими островами Эгейского моря (Кос, Хиос, Фасос, Книд) доминирует

⁴¹ См., например: *Перепелкин Ю. Я.* Древний Египет // История древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 336, 468.

⁴² *Bagnall R. S.* The Administration of the Ptolemaic Possessions outside Egypt. Leiden, 1976. P. 240.

⁴³ Так, если после поражения в Хремонидовой войне 267—261 гг. до н. э. Лагиды спокойно ушли с Балкан и из Эгееды, то за Келесирию, вокруг которой с 274 по 198 г. до н. э. было пять Сирийских войн, они не случайно сражались до конца. Об этих военных кампаниях см. *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Lagides. Т. 1. Р., 1903. P. 164, 182 suiv., 198, 204, 246, 293, 341.

⁴⁴ *Трофимова.* Ук. соч. С. 61, 67; *Will.* НРМН. P. 179 suiv.

⁴⁵ *Трейстер.* Боспор... С. 138.

⁴⁶ См., например: *Гракова.* Клейменная керамическая тара... С. 108, 207, 251 сл.; *Брашинский.* Ук. соч. С. 161—169; *Гилевич А. М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НИС. 1968. № 3. С. 58—59.

⁴⁷ О западной и северной александрийской торговле см.: *Fraser.* Op. cit. I. P. 150 ff. 160 ff.

⁴⁸ Только по данным «архива Зенона» в середине III в. до н. э. Египет поддерживал контакты более чем с 20 островами Средиземноморья: P. L. Vat. XXIA. P. 503 ff.

⁴⁹ *Rostovtzeff.* SEHNSW. P. 266 ff.; *Fraser.* Op. cit. I. P. 162 ff.; II. P. 287—288. Not. 285; *Will.* НРМН. P. 184 suiv.

⁵⁰ См., например: *Rostovtzeff.* SEHNSW. P. 231; *Fraser.* Op. cit. I. P. 169 ff.

в средиземноморской торговле Северного Причерноморья, сменив монополию здесь Милета и Афин⁵¹. Скорее всего именно Эгейские острова — центры транзитной торговли в эллинистическую эпоху — являлись «точками соприкосновения» сфер внешнеторговой активности Птолемеевского Египта и Северного Причерноморья. Благодаря посредничеству островов между Меотидой и Александрией, возможно, был проложен морской путь⁵², по которому, например, херсонесское вино попадало на берега Нила⁵³, а египетские изделия — на понтийские берега⁵⁴. Не исключено, что по этому пути на Боспор, в Ольвию и Херсонес наряду с птолемеевскими монетами⁵⁵ попадали и бронзовые перстни, изготовленные в александрийских мастерских. Впрочем, как уже сказано выше, импорт единичных находок было бы неверно объяснить лишь торговыми контактами, тем более что они вряд ли преобладали в «иерархии» контактов и связей эллинистического мира, для которого война являлась обычным состоянием, а воспетый Плавтом miles gloriosus был одним из главных персонажей его истории.

Приняв к сведению последнее замечание, рассмотрим вопрос о причинах распространения в Северном Причерноморье птолемеевских перстней сквозь призму контактов, порожденных военной историей эллинизма. Некоторые исследователи высказывают предположение, что массивные металлические и стеклянные перстни с изображениями на щитках эллинистических царей и цариц, царских символов, богов и героев были особенно популярны среди паемников⁵⁶. В каталоге эллинистических гемм и перстней Ашмолеанского музея (Оксфорд) насчитывается, по мнению его издателей, около 10 перстней, связанных с лицами военного сословия⁵⁷. Говоря об аналогичных находках, М.-Л. Волленвейдер не исключает возможности того, что происходящие из Северного Причерноморья бронзовые перстни с портретами птолемеевских правителей⁵⁸ принадлежали наемникам, которые находились на службе у Лагидов⁵⁹. В историографии вопрос об участии боспорских наемников в армии Птолемеев уже поднимался⁶⁰, но остался нерешенным из-за крайней скудости источников⁶¹.

⁵¹ Брашинский. Ук. соч. С. 51; Бадалянц. Ук. соч. С. 8, 12; АГСП. С. 179 сл.

⁵² Agath. De Mar. Erythr. 66.

⁵³ О находке в Александрии двух клейменных ручек херсонесских амфор см.: Граков. Клейменная керамическая тара... С. 207, 310 сл.

⁵⁴ О находках египетских художественных изделий в Северном Причерноморье см.: АГСП. С. 237 сл., ср.: Touraieff B. Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale / RA. 1911. XVIII; Korostovtzev M. A. A propos des objets égyptiens découverts en l'URSS / СНМ. 1965—1957. III; Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1.

⁵⁵ В нумизматическом кабинете Херсонесского музея есть две бронзовые монеты птолемеевского образца (ХИАЗ. Инв. № 6719; 7868), датируемые III—II вв. до н. э. (Гилевич. Ук. соч. С. 30). Три аналогичные монеты, относящиеся ко времени Птолемея IV Филопатора, найдены в Ольвии (Шургая. О торговых сношениях... С. 23). Рис. 3.

⁵⁶ Boardman J., Vollenweider M.-L. Catalogue of the engraved Gems and Finger Rings. I. Greek and Etruscan. Oxf., 1978. P. 68 ff.

⁵⁷ Ibid. № 286, 287, 289, 303, 310, 312, 330—332, 359.

⁵⁸ Например, перстень с портретом Птолемея II Филадельфа из Херсонеса (ХИАЗ. Инв. № 116/36590); см.: Щеглов А. Н. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса // КСИА. 1975. № 143. С. 110. Рис. 1; Невзоров. Ук. соч. С. 108.

⁵⁹ Boardman. Op. cit. P. 82.

⁶⁰ См., например: Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1. P., 1949. P. 421—423; Сокольский Н. И. К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э. // СА. 1958. XXXVIII; Трейстер. Боспор... С. 136.

⁶¹ Известно единственное упоминание о двух боспорцах из списка наемников (?) в надписи из Арсиноитского нома, датируемой началом III в. до н. э. (Launey. Op. cit. I. P. 422; II. P. 1205.)

В связи с этим небезынтересно еще раз обратиться к известному папирусу из «архива Зенона» P. Lond. 7, 1973, в котором сообщается о послых Перисада II в Египте. Документ в основном рассматривался в контексте проблемы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле⁶², хотя в нем нет каких-либо указаний на этот счет, как, впрочем, вряд ли существовала и сама конкуренция⁶³. Сведения папируса интересны в других отношениях. Приведем его текст: «Аполлоний приветствует Зенона. Как только прочитаешь письмо, пошли в Птолемаиду экипажи и другие транспортные средства, а также вьючных мулов для послов от Перисада и аргосских феонов, которых царь⁶⁴ направил для осмотра (достопримечательностей) Арсиноитского нома⁶⁵. Позаботься, чтобы с транспортом не было задержки, потому что когда я писал тебе это письмо, они уже отплыли. Прощай. Год 32, Панемос 26, Месор 1». На обратной стороне приписка Зенона: «Год 32, Месор 2, в десятом часу: Аполлоний о транспорте для послов из Аргоса и от Перисада». Письмо двойкета Аполлония своему помощнику датируется 21 сентября 254 г. до н. э. В нем упоминается о путешествии в Фаюм послов боспорского царя Перисада II. Примечательно, что в письме его не называют царем⁶⁶. Мало вероятно, чтобы подданные Птолемея Филадельфа посмели допустить подобное пренебрежение к «могущественному союзнику» своего господина. В то же время содержание письма свидетельствует, что послам хотели угодить, сделать для них путешествие приятным. Сопоставление дат отправки и получения позволяет предположить, что Аполлоний сам сопровождал путешествующих до какого-то места, сделанная же Зеноном приписка о точном времени получения депеши намекает на ее срочность. К вопросу о цели посольства и поездки в Арсиноитский ном добавляется вопрос о причинах подобного поведения Аполлония и Зенона.

На наш взгляд, для понимания содержания письма важен не «внешний» (боспоро-египетские торговые отношения), а «внутренний» (колонизация Фаюмского оазиса) фон описываемых событий. Первая половина III в. до н. э. — время активной колонизации Арсиноитского нома. Птолемеи были заинтересованы, во-первых, в освоении дополнительных земель, которые бы подлежали фискальному обложению, во-вторых, — из-за нехватки денег — в компенсации наемникам денежного жалования натуральным, в виде дохода с отведенных для них участков, в-третьих, в соз-

⁶² Трофимова. Ук. соч. С. 47—51; КБН. С. 28; Bergmans M. *Théores argiens au Fayoum* (P. Lond. VII. 1973) // CdE. 1979. LIV. P. 127. Not. 1, 2.

⁶³ Трофимова. Ук. соч. С. 67—68.

⁶⁴ Птолемей II Филадельф.

⁶⁵ Б. Н. Граков переводит: *ὁὲ ἀπεσταλκῶν ὁ βασιλεὺς κατὰ θεῶν τῶν κατὰ τὸν Ἀρσινοῖτῶν* «которых отправил царь на зрелище (праздника) у Арсиноита» (Граков. 28. С. 261). Действительно, в конце *месора* (октябрь) в Арсиноитском номе праздновались *τὰ Ἀρσινοῖα* (P. Cairo Zen. I. 59096.9; II. 59185.3; III. 59312.26). Однако можно усомниться в том, что заморские гости (в частности, аргосские феоны) могли принимать участие в этом ежегодном локальном празднике. Более вероятным выглядело бы их присутствие на празднике *τὰ Πτολεμαῖα* (*Πενθετηρίς*), который с размахом отмечался в Александрии через каждые 4 года (*Athen*. V. 197 sq.), но, согласно подсчетам Т. Скита, очередное празднование *Πτολεμαῖα* состоялось ровно за год до описываемых в папирусе событий (P. Lond. 7, 1973. Not. 6). Возможно, аргосские феоны прибыли в Александрию с целью возвестить о предстоящих Немейских играх или *τὰ Ἦρα*; см. Bergmans. Op. cit. P. 128—129; ср. Граков. 13. В этом случае логичнее предположить, что целью поездки посланников в Фаюм было не столько «зрелище» религиозного праздника, сколько знакомство с «достопримечательностями» нома.

⁶⁶ Ср.: Граков. 28: в отчете героев делосского храма Перисада называют царем. Сопоставление данных двух фактов в определенной степени свидетельствует об отношении птолемеевского двора к далекому боспорскому «царьку».

дании постоянного войска через закрепление за наемниками клеров. Наблюдается приток в Фаюм не только местного населения (P. Lond. 7, 1936, 1954), но и чужеземных колонистов, среди которых было много военных поселенцев и наемников. Об этом, в частности, свидетельствуют Зеноновы папирусы⁶⁷, поскольку администрация поместий Аполлония (Зенон, Мис, Артемидор, их агенты) находилась в тесных контактах с клерухами⁶⁸. Среди военных колонистов преобладали греко-македонские наемники⁶⁹. Несколькими раз в папирусах архива упоминаются фракийские клерухи⁷⁰. В колонизации Фаюма и Фиваиды в III—II вв. до н. э. участвовали также выходцы из других припонтийских областей: Вифинии, Пафлагонии, Понта⁷¹, Синопы (P. Amh. II. 42, 55), Гераклея⁷², Одесса (SB. I.3782) и Боспора Киммерийского (SB. III.6831, 6, 9)⁷³. Надо полагать, Птолеми охотно вербовали на службу фракийских, галатских, скифских и критских наемников, славившихся искусными воинами⁷⁴. В свою очередь, прослышав о богатствах птолемеевского двора⁷⁵ и выгодах службы у Лажидов⁷⁶, наемники прибывали в Александрию и в гарнизоны птолемеевских провинций из многих областей эллинистического мира и его варварской периферии, в том числе из Причерноморья. Вербовка наемников в III—II вв. до н. э. осуществлялась по-разному. Дж. Гриффит и М. Лопней выделяют следующие ее способы: набор по предварительному дипломатическому соглашению между стороной-наемителем и стороной, располагающей людскими ресурсами, посылка ксенологов на рынки наемников, услуги ксенагов с их отрядами профессиональных воинов, инди-

⁶⁷ В архиве упоминается свыше 100 имен клерухов; см.: *Uebel F. Die Kleruchen Ägyptens unter den ersten sechs Ptolemäern. B., 1968. S. 24—25*; ср.: *Rostovtzeff M. A. Large Estate in Egypt in the III Century B. C. Madison, 1922. P. 135 ff.*; *Préaux. L'économie... P. 468 suiv.*; *Orrieux. Op. cit. P. 477 suiv., 252 suiv.*

⁶⁸ Подробнее см.: *Wipszycka E. The Δορῆα of Apollonios the Dioeketes in the Memphite nome // Clio. 1961. XXXIX.*

⁶⁹ См., например: *P. L. Bat. XXIA. P. 517 ff., 520 ff.*

⁷⁰ *P. Cairo Zen. I. 59001.6 sq.: 3 59473.2,5*; *P. Col. Zen. 2.80*. Просопография фракийцев, находившихся в Птолемеевском Египте, насчитывает 362 имени, из них по Арсиноитскому ному отмечено около 90 имен фракийских клерухов (*Velkov V., Fol A. Les thraces en Égypte gréco-romaine. Sofia, 1977. P. 22—72, 99*).

⁷¹ *Launey. Op. cit. II. P. 1211, 1227.*

⁷² В просопографии наемников М. Лопней упоминается (правда, под вопросом) выходец из Гераклеи Понтийской: *ibid. II. P. 1265: Δημόκριτος Βιδυ[—] Πραχλαῖω (της?)*.

⁷³ В «списке наемников» из Арсиноитского нома, датированном первой четвертью III в. до н. э., упоминаются некие Φιλώνυχος Βοσπορίτης и Μο[λ]παρό[ρ]ας Βοσπορίτης? (последнее имя встречается в одной боспорской надписи начала III в. до н. э. — КВН. 19), см. *Launey. Op. cit. II. P. 1205*.

⁷⁴ См., например: *Polyb. V. 65.1—10* (ср.: *Jos. Ant. Jud. XII. 147—152*); XXXI. 26.8; *Callim. Hymn. IV. 183—187*; существует версия о том, что первые Птолеми, следуя «рецептам» ассирийских правителей, основали скифскую военную колонию в Палестине (Бет-Шан, или Скифоноль, в античной традиции), см.: *Abel F.M. Histoire de la Palestine depuis la conquête d'Alexandre jusqu'à l'invasion arabe. T. 1. P., 1952. P. 57*; *Lipshütz B. Scythopolis. L'histoire, les institutions et les cultes de la ville à l'époque hellénistique et impériale // ANRW. II. 8. P. 267*; ср.: *Доватур А. И., Калустов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 179—180*; о славе в античном мире скифских конников и лучников см.: *Launey. Op. cit. I. P. 423. Not. 2*; *Гольденберг В. А. Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира // ВДИ. 1953. № 1. С. 208—209*.

⁷⁵ См., например, сообщения античных авторов: *Herondas. Mim. I. 26 sq.*; *Theocr. XVII. 79 sq.*; *App. Prooem. XI*.

⁷⁶ Так, птолемеевские клерухи в III в. до н. э. получали участки от 20 до 120 арур (5—30 га) (*P. Cairo Zen. I 59001*) и сдавали их в аренду. По подсчетам К. Прео, доход клеруха в рассматриваемый период в 5 раз превышал доход мелкого арендатора: *Préaux Cl. Les grecs en Égypte d'après les archives de Zenon. Bruxelles, 1947. P. 64*; «о прелестях» службы в армии Птолемея Филадельфа см.: *Herondas. Mim. I. 23 sq.*; *Theocr. XIV. 58 sq.*

видуальный или случайный найм⁷⁷. Кроме того, был распространен институт симмахии — оказание военной помощи, включая отряды наемников, вооружение, корабли, деньги, согласно союзническому договору⁷⁸. По мнению исследователей, в эллинистическую эпоху преобладало рекрутирование наемников посредством дипломатических каналов, связей, соглашений⁷⁹. В качестве подобных соглашений известны: договор Родоса с Гиерапитной 220—200 гг. до н. э. (Inscr. Cret. III. Hierapytna. 3A. 39—45; 82—84), по которому родосским вербовщикам предоставлялось монопольное право набора наемников в Гиерапитне, аналогичные соглашения Антигона Досона с Гиерапитной (Inscr. Cret. III. Hierapytna I) и Элевтерной (Inscr. Cret. II. Eleutherna. 20), Аттала I с Аптарой (Inscr. Cret. II. Aptara. 4C. 12—13). Для заключения договора снаряжались посольства⁸⁰, с которыми доставлялись корабли, вооружение, деньги⁸¹, и, возможно, отряды наемников⁸².

Учитывая все эти обстоятельства, можно предположить, что в середине III в. до н. э. между Боспором и Египтом состоялся обмен посольствами⁸³ в связи с вербовкой боспорских наемников (скифов?)⁸⁴ в армию Птолемея II. Имеющиеся в нашем распоряжении источники по крайней мере позволяют говорить об участии боспорцев в колонизации Арсиноитского нома. Царь не случайно направил туда послов Перисада, вероятно, желая показать им «образцовое» филадельфийское хозяйство Аполлония⁸⁵ и соседние военные наделы. В связи с этим становятся понятными причины озабоченности диюикета и его управляющего, оказавшихся участниками к путешествию заморских гостей⁸⁶.

Таким образом, содержащиеся в папирусе P. Lond. 7, 1973 факты представляется возможным использовать для подтверждения гипотезы об участии боспорских наемников в птолемеивской армии. Анализ этих фактов в контексте характерных для рассматриваемой эпохи процессов позволяет говорить о существовании в середине III в. до н. э. дипломатических свя-

⁷⁷ Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambr., 1935. P. 254—263; Launey. Op. cit. I. P. 25—36.

⁷⁸ Launey. Op. cit. I. 36—42.

⁷⁹ Griffith. Op. cit. P. 254, 257.

⁸⁰ Многочисленные данные о военных посольствах содержатся у Полибия (XXII. 3.5—6; 12.3,7; XXVIII. 12.8—9; в последнем отрывке говорится о том, что посольство от ахейцев в Египет для возобновления симмахии было приурочено к празднованию птолемеевского царского культа; ср. в связи с этим P. Lond. 7 1973).

⁸¹ Polyb. XXII. 12, 13; XXIV. 6.1,3.

⁸² О порядке набора отрядов наемников птолемеивскими ксенологами см. Polyb. V. 63. 14; 64.1 sqq.

⁸³ О возможном египетском посольстве к Перисаду II см. Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 86—87.

⁸⁴ О скифах в армии боспорских царей см.: Dioid. XX. 22 sqq.; о распространении наемничества на Боспоре в IV—III вв. до н. э. см.: Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954. С. 70 сл.; Соколовский. Ук. соч. С. 298 слл.

⁸⁵ В P. Cairo Zen. 2. 59247 сообщается о визите в Арсиноитский ном некоего савонника Аристана, решившего посмотреть его по пути в Аравию; см. также P. Cairo Zen. 4. 59674, в котором, возможно, идет речь о посещении хозяйства Аполлония критскими послами; ср. Polyb. V. 36.4; 65.7; 82.4; XXXI. 27.3 — о критских наемниках в птолемеивском войске.

⁸⁶ Не исключено, что Аполлоний, владевший имением в Бетанате (Палестина), был связан через своих многочисленных агентов, которые курсировали по Палестине с колонистами-скифами из Бет-Шана. Если принять во внимание одну из гипотез о том, что Птолемей II приурочил основание Скифополиа к визиту послов Перисада II, поскольку его скифские наемники являлись подданными боспорского царя (*Avi-Yonah M. Scythopolis* // IEJ. 1962. XII. P. 128), то причастность диюикета к рассматриваемым событиям не может вызывать сомнений.

зей между Египтом и Боспором по поводу рекрутирования наемников. Приняв к сведению данные выводы, было бы логично именно с наемниками (как, впрочем, и с их вербовщиками, теми же наемниками, участвующими в посольских миссиях ⁸⁷) связывать появление на Боспоре бронзовых перстней «птолемеевского» типа. Что касается остальных областей Северного Причерноморья, то здесь птолемеевские перстни встречаются гораздо реже. Однако и в Ольвии, и в Херсонесе засвидетельствованы находки так называемых «ваз Гадра» ⁸⁸, распространение которых связывают с послами и наемниками эллинистической эпохи ⁸⁹. Вазы этого типа в большом количестве найдены на Крите ⁹⁰, крупнейшем «рынке наемников» эллинистического Средиземноморья ⁹¹, и в александрийских некрополях Гадра и Шатби ⁹², где часто встречаются погребения послов и наемников, проживающих в «солдатской столице» эллинистического мира ⁹³. В пользу предположения о том, что появление в Херсонесе ваз Гадра следует связывать с наемниками, свидетельствует и археологический «контекст» их находок. Так, некоторые херсонесские сосуды типа Гадра происходят из нерядовых погребений ⁹⁴. Кроме того, большая их часть обнаружена в некрополе у Песочной бухты, где был также найден перстень с портретом Птолемея II (ХИАЗ. Инв. № 116/36590), вероятно, первоначально принадлежавший одному из птолемеевских наемников ⁹⁵. В письменных источниках, к сожалению, не содержится каких-либо сведений о политико-дипломатических контактах Ольвии и Херсонеса с эллинистическим Египтом, что не может не затруднять выявление путей проникновения сюда рассматриваемых находок: перстней птолемеевского типа и керамики Гадра. Учитывая связь этих вещей с наемниками и, следовательно, не отвергая гипотезу, что херсонеситы и ольвиополиты мог-

⁸⁷ См. Boardman. Op. cit. P. 81.

⁸⁸ См. Шургаля. Импорт Александрии... — об ольвийских вазах Гадра; в херсонесской коллекции вещей «египетского» типа представлено 20 образцов керамики Гадра: различной степени сохранности урны-гидрии (ХИАЗ. Инв. № 12/36590; 26/36590; 105/36590 (рис. 2, 5); 106/36590; 117/36590; 121/36590; 122/36590 (рис. 2, 6); 177/36590; 161/36590; 246/36590; 34059 (рис. 2, 7); 31164), расписные «агонистические» амфоры (ХИАЗ. Инв. № 134/36590 (рис. 2, 8); 32920 (рис. 2, 9)), фрагмент блюда(?) (ХИАЗ. Инв. § 2454). Из Херсонеса происходят хранящиеся в других музеях изделия Гадра: ОГАМ. Инв. № 26452; ГЭ. Инв. № X-1903/132-4.

⁸⁹ Материал александрийских некрополей позволяет говорить о том, что амфоры и гидрии Гадра использовались в качестве погребальных урн греко-македонских наемников, а также послов и феонов; см.: Fraser. Op. cit. I. P. 138 ff., II. P. 104. Not. 248; P. 245. Not. 49—50; Callaghan P. KRS 1976: excavations at a Shrine of Glaukos, Knossos, BSA. 1978. No 73. P. 15; Шургаля. Импорт Александрии... С. 129.

⁹⁰ Callaghan P. J., Jones R. E. Hadra hydriae and Central Crete: a fabric analysis // BSA. 1985. No 80. P. 1—17.

⁹¹ Griffith. Op. cit. P. 245; ср.: Зельин. Исследования... С. 65.

⁹² Pagenstecher R. Dated sepulchral vases from Alexandria // AJA. 1909. XIII. P. 387 ff.; Breccia E. La Necropoli di Sciati. I. Le Cairo, 1912.

⁹³ Launey. Op. cit. II. P. 792—793; о большом количестве наемников в Александрии см.: Theoc. Id. XV. 4—6; Polyb. V. 36.4; XXXIV. 14. 2—3.

⁹⁴ Например, урна-гидрия из могилы 53 некрополя у Карантинной бухты (ХИАЗ. Инв. № 34059). В погребении найдены золотые украшения и терракоты. В погребении 34 некрополя у Песочной бухты вместе с урной-гидрией (ХИАЗ. Инв. № 122/36590) обнаружены части погребального венка из позолоченной меди (Щеглов. Ук. соч. С. 116). Богатые захоронения наемников III в. до н. э. в александрийских некрополях отмечает, например, М. Лоней (Op. cit. II. P. 790—794).

⁹⁵ А. Н. Щеглов датирует находку первой половиной III в. до н. э. (Ук. соч. С. 110). Еще один перстень с овальным щитком (изображение на щитке не сохранилось) найден внутри той же урны-гидрии (ХИАЗ. Инв. № 122/36590) (Щеглов. Ук. соч. С. 112).

Рис. 2. 5—9 — вазы Гадра

ли, подобно боспорским наемникам, служить у первых Птолемеев⁹⁶, и допуская возможность попадания с профессиональными воинами такого рода изделий в Ольвию и Херсонес, нельзя не принимать в расчет и другие «пути», связанные, например, с теми же наемниками — выходцами из других мест⁹⁷, купцами, мореплавателями, послами, феорами, вызванные проникновением египетских эллинистических культов, различными контактами с соседними областями и т. д.

К числу характерных особенностей эллинистической эпохи следует отнести возросшую после похода Александра мобильность населения Восточного Средиземноморья, проявившуюся в грандиозной греко-македонской колонизации, появления еврейской диаспоры и др. «Героями» той эпохи стали колонисты, наемники, мореплаватели, странствующие интеллигенты, рядовые обыватели, уехавшие на чужбину в надежде разбогатеть, эти *homines oeconomici*, по меткому определению М. И. Ростовцева⁹⁸. О степени мобильности эллинистического общества III в. свидетельствует, в частности, просопография «архива Зенона»: его хозяину,

⁹⁶ В пользу предположения о херсонеситах-наемниках можно привести свидетельства источников о военизированном характере херсонесской общины и многочисленных войнах в истории Херсонеса: *Polyaen.* VIII.56; *IOSPE.I*². 343, 352, 401; о симмахии херсонеситов и понтийского царя Фарнака (179 г. до н. э.): *IOSPE.V*².402; ср.: *Polyb.* XXV. 2.12—15.

⁹⁷ Военный найм не всегда приводил к длительной эмиграции, хотя некоторые эллинистические правители (Птолемей, например) и старались свести к минимуму миграции наемников (в Египте — путем надления земель). Так, этолийцы и критяне, как правило, избегали длительных сроков найма, см.: *Launey.* Op. cit. I. P. 42; ср.: *OGIS* 266. Постоянно мигрируя, они могли побывать в разных уголках эллинистического мира.

⁹⁸ *Rostovtzeff.* *SEHAW.* P. 421 f.

карийскому греку, проживавшему в Египте, удалось вовлечь в круг своих интересов и дел представителей свыше 20 этносов⁹⁹. Вызванные объективными обстоятельствами социально-экономического и политического развития доэллинистических Греции и Востока, эти демографические процессы в свою очередь вели к расширению разного рода контактов и связей, в которые оказались вовлеченными как центральные, так и окраинные области эллинистической ойкумены. Перишлы и географии античных авторов, проксенические декреты и эпитафии, монетныеклады и амфорные клейма — эти и множество других источников позволяют говорить об эллинистическом мире как одной огромной «контактной зоне».

В ряду таких источников находятся и археологические памятники «египетского» типа из Северного Причерноморья: керамика, изделия из стекла и фаянса, произведения скульптуры, монеты и перстни¹⁰⁰. Исследование путей проникновения в регион только лишь одной группы этих памятников — бронзовых перстней птолемеевского типа — показывает тем не менее, насколько сложна проблема контактов Египта и Северного Причерноморья в эллинистическую эпоху. Сложность эта, обусловленная характером источников, придает в некоторой степени гипотетический характер сделанным здесь выводам. Не отрицая возможности существования множества различных причин распространения в Северном Причерноморье в III—II вв. до н. э. птолемеевских перстней, включая торговые, религиозные, политические, дипломатические, военные и прочие контакты и влияния (данные определения, разумеется, только в приближительной форме отражают сложный, случайный, спонтанный, как правило, опосредованный характер реальных отношений, которые порождали эти контакты и влияния), все же следует особо сказать о связи этих находок с птолемеевскими наемниками — выходцами из северопричерноморских центров. В пользу данного предположения говорит ряд обстоятельств. Прежде всего нельзя забывать, какую роль играли войны в эллинистическую эпоху, каково было их воздействие на экономику, политику, культуру, общество эпохи¹⁰¹. Бесконечная борьба эллинистических монархов за власть и богатства, столь подробно описываемая Полибием¹⁰², порождала повышенный спрос на наемников. Так, Птолемен, располагавшие в III в. до н. э. огромной армией, сетью военных колоний, поселений, постоев и гарнизонов в Египте и за его пределами (вплоть до Пропонтиды), были вынуждены снаряжать военные посольства, посылать своих вербовщиков повсюду, где имелся «стратегический товар»¹⁰³. Не исключено, что в орбиту маршрутов птолемеевских рекрутов попало и Северное Причерноморье, когда Лагиды пытались контролировать Эгеиду и проливы. Во всяком случае, сведения письменных источников (сообщения античных авторов о связях Птолемеев с Поптийским регионом, упоминание о боспорских наемниках в Фаюме, письмо дийокета Аполлония о путешествии послов Перисада II по Нилу) представляется возможным интерпретировать в контексте данных мероприятий и событий. Именно

⁹⁹ Среди них греки, македоняне, египтяне, сирийцы, фракийцы, евреи, персы, финикийцы, карийцы, критяне, иллирийцы, латины и другие; см. составленную В. Клариссом просографию архива: P.L.Bat. XXI. P. 271—458.

¹⁰⁰ Так, каталог находок египетского типа из фондов Херсонесского историко-археологического заповедника насчитывает около 150 предметов, часть которых относится к эллинистическому времени.

¹⁰¹ См., например: *Lévêque P. La guerre à l'époque hellénistique // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne. P., 1985. P. 261—287.*

¹⁰² *Ibid. P. 282.*

¹⁰³ См., например: *Polyb. V. 63; 64; XV. 25.15—18; ср.: Polyb. XXXI.26.*

с наемниками, военными посланниками, «кондотьерами» и ксенологами следует в первую очередь связывать проникновение в Северный Понт в III в. до н. э. птолемеевских перстней хотя бы потому, что эти люди составляли самую мобильную прослойку эллинистического общества¹⁰⁴. В пользу рассматриваемой гипотезы свидетельствуют и некоторые археологические факты, например находки в Ольвии и Херсонесе погребальных урн Гадра, на Боспоре — щитов «галатского» типа¹⁰⁵. Наконец, хронологически связанный с птолемеевскими наемниками археологический материал вписывается в канву тех исторических явлений, на фоне которых могло происходить его распространение. По мнению специалистов, с конца III в. до н. э. возрастает число местных изделий, подражающих александрийским образцам птолемеевских перстней, поступление которых в Северное Причерноморье к этому времени прекращается¹⁰⁶. Последнее обстоятельство, по-видимому, было обусловлено ослаблением с конца III в. до н. э. военно-политического влияния Птолемеевского Египта в Восточном Средиземноморье, что вело к сокращению притока в армию Лагидов наемников с севера, возрастанию в ней роли египетских и восточных элементов¹⁰⁷. Во II в. до н. э. Птолемаи замыкаются на внутренних проблемах государства, вступившего в полосу длительного социально-экономического и политического кризиса¹⁰⁸, и военные и дипломатические контакты египетских правителей с отдаленными областями эллинистического мира окончательно прекращаются.

¹⁰⁴ *Launey*. Op. cit. I. P. 6 suiv., 30 suiv., 60; см. также составленную М. Лонеом просопографию эллинистических наемников, где упоминается свыше 60 областей их происхождения.

¹⁰⁵ По мнению М. Ю. Трейстера, галатские щиты могли сюда попасть из Египта в начале III в. до н. э. (Боспор... С. 133—136).

¹⁰⁶ *Неверов*. Ук. соч. С. 112. Появление местных поделок «египетизированного» типа, в том числе бронзовых перстней, не может не затруднять определение социального статуса их обладателей по материалам раскопок погребений, в которых встречаются данные находки; ср.: *Щеглов*. Ук. соч. С. 109—110; *Трейстер*. Боспор... С. 132.

¹⁰⁷ *Griffith*. Op. cit. P. 244—245, 254, 321—322; *Launey*. Op. cit. I. P. 103; II. P. 1088—1089; *Lesquier J.* Les institutions militaires de l'Égypte sous les Lagides. P., 1911. P. 18, 120 suiv.; *Филман*. Ук. соч. С. 183.

¹⁰⁸ См., например: *Зельвин*. Исследования... С. 348—483.

THE PTOLEMAIC EGYPT AND THE NORTHERN COAST OF THE BLACK SEA REGION IN THE III CENTURY B. C. (THE PROBLEM OF CONTACTS)

Yu. N. Litvinenko

The Alexander Great's Campaign was followed by an immense increase of various contacts and ties not only between the neighbouring parts of the Hellenistic oikumene but also between its remote regions. The mobility of Hellenistic society has grown in comparison with the previous age as a result of social and economic changes. Some sources data permit to put forward a hypothesis that there were certain military and diplomatic contacts between the first Ptolemies and the Bosphoran Kingdom. Thus the so-called «mercenaries' register» from the Arsinoitic nome (SB. III. 6831. 6, 9) with two names of Bosphorites, and the famous Zenon papyrus (P. Lond. 7 1973) which informs about the Bosphoran embassy to Egypt is worth mentioning. It seems possible to interpret these facts as being connected with the Bosphoran mercenaries in the first Ptolemies' army. So it were mercenaries and their recruteurs who brought the bronze rings of «ptolemaic» type, Hadra vases and «galatian» shields to Bosphorus, Chersoneses and Olbia in the III century B. C. Yet it should be suggested that these artefacts could have been brought there in other way, namely through trade, political and religious contacts and influences.